
ПАЦИЕНТ

Varpunen

Пациент

«Автор»
2026

Varpunen

Пациент / Varpunen — «Автор», 2026

ПАЦИЕНТМаксим Фитров совершил убийство. Его жертвой стала Полина — девушка, которая узнала слишком много о махинациях в его строительной компании. Он прекрасно помнит своё преступление, но намерен избежать наказания любой ценой.Неожиданное заключение психиатров становится для него счастливым билетом: вместо долгих лет тюрьмы — принудительное лечение в больнице.Поначалу Максим уверен, что победил. Комфортная палата, новые друзья, симпатичная девушка и доброжелательный врач. Кажется, нужно лишь немного подождать, чтобы снова оказаться на свободе.Но однажды привычный мир начинает рушиться. Странные медицинские назначения, провалы в памяти, необъяснимые изменения в документах. Чем отчаяннее Максим пытается доказать, что с ним происходит что-то страшное, тем меньше ему верят.Человек, привыкший управлять чужими судьбами, постепенно теряет власть над собственной.«Пациент» — мрачный психологический триллер о преступлении, вине и расплате, которая может оказаться страшнее смерти.

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Varpunen
Пациент

Глава первая Убийца

Когда прокурор назвал меня убийцей, в зале суда кто-то уронил ручку.

Я запомнил этот звук лучше, чем обвинительную речь. Ручка прокатилась по плитке и остановилась у скамьи. Молодая женщина в сером пальто наклонилась, но сосед удержал её за локоть. Она выпрямилась и снова уставилась на меня. За ручкой так и не потянулась.

Я не любил, когда на меня смотрели так. На работе мне достаточно было улыбнуться, назвать человека по имени, спросить о детях — и он уже не так внимательно читал цифры в договоре. В зале суда я попробовал улыбнуться женщине с ручкой. Она отвернулась. Пришлось выпрямить спину и заняться манжетой рубашки: правая выглядывала из-под пиджака на пару миллиметров больше левой.

— Подсудимый Фитров, — произнёс прокурор, — действуя умышленно, лишил жизни Полину Андреевну Громову двадцати семи лет от роду.

«Двадцати семи», — повторил я про себя.

Она поправляла всякого, кто говорил «почти тридцать». Ей нравилась точность. Особенно в цифрах. Это меня и погубило.

Я убил Полину двести восемьдесят шесть дней назад.

В её квартире не было третьего человека. Никто не подменял следы и не путал время. Я помнил, как она упала, и помнил, что сделал после этого. Следствию оставалось доказать то, что я уже знал. А мне — не помочь ему ни единым словом.

— С предъявленным обвинением не согласен, — сказал я, когда судья предоставила мне слово. — Вину не признаю.

Голос прозвучал ровно. Я отрепетировал эту фразу так тщательно, что теперь мог бы произнести её во сне.

В первом ряду кто-то шумно вдохнул. Я знал кто и не повернул головы.

Слева от меня адвокат Дмитрий Орлов незаметно коснулся карандашом моего рукава. Это означало: достаточно. Мы договорились, что я буду говорить как можно меньше. В протоколах допросов уже содержалось слишком много моих слов. Дмитрий опасался, что новые окажутся ещё хуже прежних.

Судья, женщина с усталым лицом и серебристой прядью надо лбом, уточнила мою позицию. Я повторил ответ. Она сделала пометку и попросила прокурора продолжать. Мне не нравилось, что мои слова помещаются в одну строку протокола.

На стене висели часы. Секундная стрелка передвигалась почти бесшумно, но всякий раз, достигнув двенадцати, механизм сухо щёлкал. Я ждал этого звука, пока прокурор перечислял обстоятельства гибели Полины. Знал, когда он раздастся, и всё равно вздрагивал.

• • •

Полина работала в архитектурном бюро. Не слишком большом, но известном. Она рисовала жилые кварталы, которых пока не существовало, и раздражалась, если я называл её рисунки красивыми картинками. «В них люди жить будут, Максим. Это не открытки». Ей нравилось рассматривать старые дома, фотографировать лестницы и спорить с таксистами о том, как должен меняться город.

Мы познакомились на открытии бизнес-центра. Я руководил проектами в строительной компании. Полина пришла с коллегой и вместо выступления директора рассматривала трещину в новой колонне.

— Дорогая трещина, — сказал я тогда.

— Самая дорогая здесь вещь, — ответила она.

Мне понравилось, что она не засмеялась над моей шуткой. На следующий день я нашёл её телефон. Через неделю мы ужинали вместе. Через три месяца она оставила у меня зубную щётку. Мы встречались почти два года, пока не выяснилось, что Полина не умеет оставлять вопросы без ответов.

Незадолго до нашего разрыва её бюро вело авторский надзор на одном из жилых комплексов моей компании. Полина заметила, что в актах были приняты работы, которых на площадке ещё не делали. Потом нашла платежи подрядчику, у которого вместо офиса значился пустующий магазин, и акт с моей подписью. Я объяснил, что так устроены расчёты в строительстве. Полина спросила, знают ли об этой особенности люди, которые купили там квартиры. Я сказал, что она путает бухгалтерию с безопасностью зданий. На следующий день она положила передо мной распечатки и произнесла: «Тогда тебе не составит труда объяснить это следователю».

В последние недели перед её смертью мы почти не разговаривали. Полина съехала от меня. Я предложил ей отпуск, потом деньги, затем напомнил, что от этих контрактов зависит работа нескольких десятков человек. Она спросила, почему я вдруг вспомнил о людях, которых раньше называл расходным материалом. Я счёл это обидой на прощание, пока не понял, что документы она оставила себе.

В тот четверг она позвонила в половине девятого вечера и попросила приехать. Сказала, что утром передаст документы следователю. В телефонной трубке было слышно, как она постукивает ногтем по кружке. Так Полина делала, когда волновалась и не хотела этого показывать.

В лифте я смотрел на своё отражение и готовил обычную речь. Что всё не так просто. Что она разрушит жизнь нескольким людям. Что я исправлю ситуацию. Я произнёс эти слова, едва войдя в квартиру, и услышал в ответ:

— Ты не собираешься ничего исправлять. Ты хочешь, чтобы я молчала.

На столе лежала тонкая синяя папка. Рядом остывал чай в большой белой кружке со сколотой ручкой. У окна стоял картонный макет дома с маленькими балконами. Полина не предложила мне снять пальто.

— Дай мне хотя бы два дня, — попросил я.

— У тебя было два месяца.

— Ты понимаешь, что будет, если эти бумаги попадут к следователю?

— Да. Тебе придётся говорить правду.

Она держала папку двумя руками. Я заметил, что пальцы у неё дрожат. Мне стало легче: значит, хотя бы страх я ещё мог у неё вызвать. Я произнёс привычным тоном, каким разговаривал с недовольными заказчиками:

— Полин, давай без героизма. Мы взрослые люди, можем договориться.

— Ты до сих пор думаешь, что любой человек чего-то стоит, если правильно назвать цену.

— Я пытаюсь спасти нас обоих.

— Нет, Максим. Ты пытаешься сохранить себя. И даже сейчас не замечаешь разницы.

Она потянулась к сумке. Я шагнул перед ней и положил руку на папку. Полина отодвинула стул, стараясь оставить между нами стол. До этого вечера она никогда не боялась оставаться со мной наедине. Я заметил перемену и решил, что она просто пытается меня пристыдить.

— Уходи, — сказала она. — Завтра расскажешь следователю свою версию. Я не стану за тебя лгать.

Я взял папку за край. Она не отпускала. Бумага хрустнула под нашими пальцами. Полина сказала, что я никогда её не любил, а просто привык распоряжаться ею. Я хотел ответить так, чтобы заставить её пожалеть о сказанном. Взял тяжёлое каменное пресс-папье с края стола. Оно было холодным; я успел почувствовать это и всё равно поднял руку.

После первого удара она упала возле стола. Упёрлась ладонью в пол, пытаясь приподняться.

Между первым и вторым ударом прошло достаточно времени, чтобы остановиться. Я ударил снова.

Я долго стоял посреди комнаты. Из кухни доносилось тиканье часов; на полу возле Полины лежал красный карандаш, который она держала за ухом, когда работала. Я посмотрел на свою правую руку: манжета съехала, открыв запястье. Я поправил её, хотя рубашка была испачкана. Потом забрал синюю папку, убрал её в сумку и вышел, аккуратно притворив дверь.

На улице шёл дождь. Я сидел за рулём минут десять и никак не мог вспомнить, куда собирался ехать.

На следующее утро я купил кофе, ответил на четыре рабочих письма и провёл совещание. Попросил младшего менеджера переделать презентацию: заголовки съехали на пару миллиметров. Он принялся торопливо собирать бумаги, и пальцы у него задрожали. Я подумал, что он плохо держит себя в руках.

В субботу Полину нашли.

В воскресенье меня задержали.

Когда за мной пришли, я был в спортивных брюках и только что поставил чайник. Старший из двух оперативников произнёс моё имя, второй посмотрел поверх моего плеча в квартиру. Я заметил, что оба стоят чуть в стороне от двери, будто опасаются, что я попытаюсь бежать.

— Вы ошиблись, — сказал я.

— Разберёмся, — ответил старший.

Позже мне много раз приходилось слышать это слово. «Разберёмся». Оно оказалось удивительно удобным. Его произносили люди, которым ничего не требовалось объяснять.

На третью ночь после задержания меня разбудил собственный голос. Я называл Полину по имени. Молодой дежурный стоял за дверью, разглядывая меня через окошко. Я потребовал воды, а потом закричал, чтобы он перестал пялиться. Утром медик спросил, часто ли я разговариваю во сне. Я ответил, что никогда. Она что-то записала и на мой вопрос о записи сказала: «Обычная отметка о состоянии». Меня взбесило, что её нельзя было заставить вычеркнуть эти слова.

• • •

— На исследованной записи с камеры наблюдения, — продолжал прокурор, — автомобиль подсудимого зафиксирован возле дома потерпевшей в двадцать один час двенадцать минут.

В зале пахло мокрыми пальто и пылью, нагретой батареями. Пока я вспоминал квартиру Полины, люди успели переложить бумаги, обменяться записками, налить воду в пластиковые стаканчики. Мне казалось, что заседание продолжилось без моего участия.

Прокурор вывел на экран фотографию моего автомобиля. Чёрный седан под фонарём. Номер читался безупречно. При желании можно было рассмотреть даже трещину на лобовом стекле, которую я собирался заделать после отпуска.

— В двадцать два часа восемь минут машина покинула парковку, — добавил прокурор.

Дмитрий слегка наклонился ко мне.

— Не реагируй, — прошептал он.

Я и не собирался. Конечно, я был у Полины. Мы встречались два года. Присутствие в её квартире само по себе ничего не доказывало. Именно эту фразу мне велели повторять на допросах.

— Подсудимый ранее подтвердил факт посещения квартиры, — уточнил прокурор. — Но заявил, что потерпевшая была жива, когда он ушёл. Версия не согласуется с совокупностью исследованных доказательств.

Я наклонился к Дмитрию и ткнул пальцем в один из его листков.

— Соседка, — прошептал я. — Пусть скажет про голос после десяти.

Он прикрыл лист ладонью.

— Я помню.

Это была моя единственная настоящая надежда. Женщина с соседнего этажа сообщила следователю, что поздно вечером слышала женский голос в коридоре. Я ухватился за эту фразу ещё на первом допросе. Если удастся внушить суду, что Полина разговаривала после моего ухода, в деле появится хотя бы одна трещина. Дмитрий предупреждал: свидетельница не видела самой Полины и не была уверена, откуда доносились звуки. Меня интересовало одно слово — «слышала». Всё остальное можно было обойти.

На экране появилась следующая фотография. Синяя папка. Та самая, которую я забрал со стола. Её нашли во время обыска в моём рабочем кабинете, в ящике под запасными кабелями и зарядками. Почему я не уничтожил бумаги сразу, объяснить было трудно. Наверное, в глубине души я рассчитывал ещё ими воспользоваться.

— Прошу обратить внимание суда, — сказал прокурор, — что часть документов подсудимый пытался скрыть после совершения преступления.

Я сжал пальцы под столом. Прокурор произносил каждое слово без удовольствия. Он просто раскладывал предметы по порядку, а я ничего не мог передвинуть.

Когда прокурор сел, Дмитрий попросил вызвать свидетельницу. Я откинулся на спинку стула, впервые за утро почти расслабившись.

Женщина в тёмно-зелёном жакете говорила с трудом и всё время обращалась к судье. На вопрос Дмитрия она подтвердила, что слышала голос женщины после десяти часов вечера. Я почувствовал, как под рубашкой вспотела спина. Дмитрий не посмотрел на меня и попросил уточнить, откуда доносились звуки.

Свидетельница не могла уверенно сказать, откуда доносился голос: на лестнице всё слышалось глухо. В квартиру она не заходила. Время восстановила по часам, на которые взглянула, вернувшись домой: около половины одиннадцатого. Дмитрий пытался уточнить, видела ли она Полину после моего ухода. Нет, видела она лишь пустой лестничный пролёт. Мне захотелось, чтобы это «нет» стало главным словом всего допроса.

Дмитрий сел. Мне показалось, что он слишком рано закончил, но прокурор уже поднимался. Он зачитал из первоначального протокола свидетельницы её собственную фразу: «Полагаю, звук мог доноситься из квартиры на пятом этаже, где часто громко смотрят телевизор». Женщина кивнула. Она не скрывала этого и сейчас. Три месяца я перечитывал одну строчку показаний. Строчку под ней пропускал.

— Возражений нет, — тихо произнёс Дмитрий, когда прокурор закончил.

Впервые за утро я перестал выравнивать манжету. Рука лежала на столе неподвижно, будто её оставил там кто-то другой.

Во время короткого перерыва Дмитрий вывел меня в комнату для консультаций. Там стояли два стула, металлический стол и кулер без стаканчиков. Окно выходило на стену соседнего здания. Я всегда находил в подобных помещениях что-то унизительное: людям отводили отдельную комнату, но забывали о самых простых вещах.

— Нормально идём? — спросил я.

Он взглянул на меня поверх очков, но отвечать не спешил.

Наконец он заговорил без обычных предисловий: мои поздние объяснения противоречили не только первым показаниям, но и друг другу. Я напомнил, что его не было при первом допросе. Он терпеливо объяснил, что там присутствовал назначенный защитник и ни один новый адвокат не может стереть подписанный протокол. Меня злило не содержание этих слов, а его нежелание обещать невозможное.

Он расстегнул пиджак и положил на стол папку с разноцветными закладками. Я нанял Дмитрия через знакомого, обещавшего, что Орлов умеет выигрывать безнадёжные дела. Последние два месяца адвокат перестал меня успокаивать. Сегодня он впервые не предложил даже попытаться собрать новую версию.

— Ты говорил, что она была жива, когда ты ушёл. Потом вспомнил, что она упала. Потом — что ты не подходил к столу. На одежде нашли её кровь. Папка оказалась у тебя. Мы поставили на слова соседки, а она даже не знает, из какой квартиры доносился голос. Что ты предлагаешь мне защищать?

— Правдивую.

Дмитрий снял очки. На переносице остались две красные отметины.

— Хоть раз скажи мне что-нибудь, что можно проверить. Не придумывай новую историю.

— Я не убивал Полину.

— Тогда, пожалуйста, хотя бы не меняй её завтра.

Я налил воды в ладонь из кулера и смочил губы. Дмитрий отодвинул бумаги, чтобы на них не попали капли. Он мог защищать меня в суде, но не позволял намочить ни одного листа.

Я спросил, могут ли родители Полины изменить исход дела. Дмитрий ответил, что им доступны ходатайства и выступления, но решение принимает суд. Я пожаловался на взгляд Андрея, всё утро не сводившего с меня глаз. «Поставь себя на его место», — сказал адвокат. Я даже не попробовал.

Я хотел уволить его прямо здесь. Но новый адвокат не успел бы разобраться в деле до приговора.

— Я плачу тебе не за нравоучения, — сказал я.

— Ты платишь мне за защиту. И именно поэтому я советую тебе молчать.

Он собрал бумаги и первым подошёл к двери.

— Сегодня будут говорить родители. Постарайся хотя бы не улыбаться.

• • •

Ольгу Громову я узнал не сразу. Я искал в первом ряду женщину, которая смеялась над моими шутками.

За месяц до гибели Полины мы пили кофе у вокзала. Ольга носила яркий шарф, спрашивала о свадьбе и всё время поправляла салфетки. Полина закатывала глаза, а я говорил, что с такой тёщей обязательно нужно дружить.

Теперь Ольга казалась меньше ростом. Она вышла к месту для выступления, держась за край стола, и долго не могла начать. На ней было чёрное платье. На шее — тонкая серебряная цепочка с маленьким круглым кулоном. Я вспомнил, как Полина однажды выбирала этот кулон в ювелирном магазине. Мы опаздывали в ресторан, и я торопил её. Она ответила, что мама никогда ничего не покупает себе сама.

— Меня попросили рассказать о Полине, — наконец сказала Ольга. — Я записала, чтобы ничего не забыть.

Голос у неё оказался неожиданно тихим. Она развернула вчетверо сложенный листок, но не посмотрела в него. Судья предложила говорить ближе к микрофону.

— Она была нашим единственным ребёнком. Вы, наверное, ждёте, что я скажу, какой она была хорошей. Но мы часто ссорились. Особенно в последнее время. Она могла целый вечер доказывать, что я неправильно расставила мебель.

Она сглотнула. В зале заскрипел стул.

— У нас дома до сих пор лежит её зарядник. И лист с чертежом кухни. Муж хотел расширить окно, а Полина нарисовала, как сделать это без лишних затрат. Красным карандашом зачеркнула его расчёты. Андрей сначала обиделся, потом повесил рисунок на холодильник. Теперь боится его трогать.

Я смотрел на серебряный кулон. Полина и правда спорила с родителями из-за каждой мелочи, но всё равно ездила к ним по воскресеньям. Я перестал ездить с ней, потому что Андрей всегда спрашивал о моей работе. Теперь почему-то начал считать, сколько воскресений прошло без неё. Сбился после сорокового и разозлился на себя.

— Она вам доверяла, Максим, — произнесла Ольга, неожиданно обращаясь ко мне. — Я не понимаю, как вы могли смотреть ей в глаза.

Дмитрий едва заметно выпрямился. Я опустил взгляд ровно настолько, чтобы судья это увидела. Потом, не поднимая головы, проверил её лицо краем зрения.

— В день похорон я вдруг вспомнила, что не спросила, понравился ли ей последний проект. Мне до сих пор хочется спросить. — Ольга провела ладонью по щеке. — Я хочу, чтобы суд сделал всё, что может. Чтобы он больше никому этого не сделал.

Ольга вернулась на место. Андрей помог ей сесть и крепко держал за руку. Раньше он хлопал меня по плечу, когда мы встречались. Теперь сидел неподвижно.

Когда пришла его очередь, он встал сразу.

— Я не буду рассказывать, какой была моя дочь, — сказал Андрей. — Потому что она была человеком, а не характеристикой. Вы её не знали. И он, — Андрей указал на меня, — тоже, оказывается, не знал.

Судья попросила его не обращаться напрямую к подсудимому. Андрей кивнул.

— Она мне сказала за несколько дней до смерти: «Пап, я ошиблась в одном человеке». Я спросил, нужна ли помощь. Она ответила, что разберётся. Вот и всё. Больше я ничего для неё не сделал.

Полина действительно звонила отцу после нашей ссоры. Тогда меня раздражало, что она рассказывает кому-то о нас. Теперь он мучился из-за того, что она рассказала слишком мало.

— Я хочу, чтобы его наказали, — продолжил Андрей. — Я не знаю, что ему будет справедливо. Знаю только: он убил мою дочь, а теперь сидит здесь и ждёт, когда мы не сможем этого доказать. Как будто она сама виновата, что у него не получилось уйти незамеченным.

Он повернулся ко мне раньше, чем судья успела остановить его.

— Ты думаешь, можно просто уйти от того, что сделал?

Я промолчал.

— Ты думаешь, это забудется? — голос у него сорвался. — Я каждый день просыпаюсь и вспоминаю, что её нет. Каждый день. А ты ещё живой, здоровый, сидишь здесь и лжёшь.

— Андрей Сергеевич, — строго сказала судья.

Он отступил от микрофона, но взгляда не отвёл.

— Я хочу, чтобы он сидел до конца жизни.

Ольга закрыла лицо руками. Кто-то в зале тихо заплакал.

Я сидел прямо и смотрел на судью. Мне хотелось сказать Андрею, что его дочь сама решила вмешаться в чужие дела. Что она не оставила мне выбора. Что если бы подождала всего два дня, ничего бы не случилось.

Последнее было особенно удобно. Два дня. Я цеплялся за эту цифру с вечера убийства, будто она что-нибудь объясняла.

Если бы Полина дала мне два дня, я попросил бы неделю. За неделю можно было убрать документы, найти людей, которые подтвердили бы нужную версию, заставить её сомневаться в собственной. Именно этим я собирался заняться. Не извиняться.

В какой-то момент я поймал взгляд Ольги. Она смотрела уже не на меня, а куда-то через моё плечо, будто за мной стоял человек, которого я не видел. Потом она взяла мужа за руку. Андрей сел.

Всё утро я следил за стрелкой часов. Теперь на несколько минут перестал её слышать.

Я впервые за утро захотел, чтобы заседание закончилось.

• • •

На втором перерыве Дмитрий нашёл меня у окна. За стеклом мокрый снег таял на крышах машин. На парковке курьер спорил с охранником из-за шлагбаума. Я позавидовал ему: через минуту он мог уехать, куда захочет.

Дмитрий заметил, что я не сказал ничего лишнего. Это была самая сдержанная похвала в моей жизни. Потом сообщил, что предстоят вопросы о времени смерти и что из медчасти изолятора пришли новые документы. Мы запрашивали их сами — хотели объяснить путаницу в моих показаниях бессонницей. Но адвоката с ними ещё не ознакомили. Я возразил, что жаловался на условия содержания, а не на свою голову. Дмитрий посмотрел на дверь зала: сначала прочтём, потом будем спорить. Я спросил о настоящей надежде. Он придвинул мой стаканчик с кофе подальше от края подоконника.

— Настоящая у тебя была в тот день, когда я предложил обсудить признание и сотрудничество. Ты сказал, что я сумасшедший.

— Потому что не совершал убийства.

Он закрыл глаза на секунду.

— Максим, мы проверили всё, на чём держалась твоя версия. Даже соседку. Других свидетелей у нас нет. Мне нечего предложить суду, кроме сомнения в том, чего никто не видел собственными глазами.

— Ты же профессионал.

— Именно поэтому говорю тебе правду.

Курьер объехал шлагбаум и исчез за углом. Я всё ещё смотрел ему вслед.

— Сколько? — спросил я.

— Что сколько?

— Сколько мне дадут, если признают виновным?

Дмитрий назвал возможный срок. Я попытался подсчитать, сколько мне будет к освобождению. Когда прибавил годы к своему возрасту, пришлось начинать счёт заново: я не поверил числу.

— Мы ещё не проиграли, — сказал адвокат, но теперь его голос звучал так, будто он убеждал самого себя.

За спиной щёлкнул замок двери. Нас позвали обратно.

Судебно-медицинский эксперт говорил сухо. Время смерти он мог установить лишь приблизительно. Объяснил, что повреждения нельзя принять за последствия обычного падения; их мог причинить тяжёлый тупой предмет. Каменное пресс-папье уже лежало перед судьёй в пакете с номером. О крови Полины на моей одежде суд услышал раньше. Раздельно эти вещи ещё можно было оспаривать. Теперь мне казалось, что они заняли все свободные места в зале.

В середине выступления кто-то открыл бутылку воды. Раздался тонкий хруст пластика. Я смотрел на горлышко, пока эксперт объяснял расположение повреждений. Хотелось пить, но я боялся, что рука дрогнет на глазах у родителей Полины.

Дмитрий задал несколько вопросов, но эксперт не изменил ни одного вывода. Прокурор даже не делал пометок. Я ждал, что он запишет хоть что-нибудь, ошибётся в цифре, уронит лист. Ничего не произошло.

Я тоже перестал ждать ошибки.

Сидеть спокойно становилось невыносимо.

• • •

После обеда вернулись к медицинским документам, которые мы сами просили истребовать. Я успел забыть о них. Ещё утром эти бумаги казались доказательством того, что в изоляторе мне мешали спать. Теперь почему-то все ждали, когда их откроют.

Перед возобновлением заседания секретарь принесла судье тонкую папку. Судья ознакомилась с бумагами, уточнила у сторон, получили ли они копии. Дмитрий отрицательно покачал головой. Я увидел, как он отложил свой карандаш.

Я прошептал Дмитрию вопрос о новой папке. Он не знал, что в ней, и впервые за день попросил меня просто слушать. Меня возмутило, что человек, которому я заплатил за защиту, оказался не осведомлён лучше всех в комнате.

Судья объявила о сведениях из медчасти изолятора. Врач сопоставил запись после задержания с осмотром прошлой недели. Я вспомнил женщину, спрашивавшую, почему я опять кричал ночью. Я ответил тогда, что ей стоит заниматься больными, а не мной.

Прокурор попросил приобщить документы к делу. Дмитрий поднялся.

— Защита просит время для ознакомления, — сказал он.

Судья передала ему копию. Я видел верхнюю строку: «Выписка из медицинской документации». Под ней стояла недавняя дата. Дмитрий читал, возвращаясь к одним и тем же абзацам. На последнем листе была отметка о консультации с психиатром областного центра. Я пытался рассмотреть фамилию, но Дмитрий перелистнул страницу. Мне казалось, что он специально не даёт её прочесть.

— Что там? — повторил я.

Он положил ладонь на лист и чуть наклонился.

— Вспомни, что ты говорил врачу в изоляторе.

— Ничего особенного.

— Максим.

Я вспомнил две беседы. После задержания в камере пахло хлоркой, а я не спал почти двое суток. Врач спросил, слышу ли я голоса. Я сказал, что Полина иногда разговаривает со мной, хотя прекрасно понимал: это всего лишь память. На прошлой неделе другой врач спросил, бывают ли провалы. Я ответил, что не помню, как добрался домой в ночь убийства. Это было ложью. Я помнил и дорогу, и красный свет у перекрёстка. Просто мне казалось полезным выглядеть человеком, который не может восстановить каждый свой шаг.

— Я не говорил, что сошёл с ума, — прошептал я.

— Тише.

— Там было несколько обычных вопросов!

— Я вижу, что здесь написано. Потом обсудим.

В выписке перечислялись бессонница, ночное возбуждение, мои слова о голосе Полины и провалах памяти. Под этими словами стояли даты. Диагноза не было. Врач рекомендовал проверить, могли ли такие жалобы иметь значение для оценки моего состояния — в том числе в вечер убийства. Мне хотелось объяснить судье, что я говорил всё это вовсе не так, как здесь написано. Но написано было почти дословно.

На нижнем поле одного листа стояло слово «консультация». Я не придал ему значения: на моей работе тоже любили ставить резолюции людей, которых никто из исполнителей не видел. Мне казалось, главное здесь — сами слова, а не путь, которым они попали в дело.

Я почти поднялся со стула. Они собирались обсуждать, способен ли я вообще отвечать за свои слова? Меня проверяли на вменяемость, хотя ещё утром обсуждали мои подписи под договорами на десятки миллионов. Я схватился за край стола. Конвоир повернул голову.

Дмитрий резко сжал мой локоть.

— Сиди.

Он попросил короткий перерыв для консультации. Судья согласилась.

Мы остались у стола. Адвокат развернул ко мне выписку.

— Ты говорил врачу, что не помнишь дорогу домой после убийства?

— После задержания я почти не спал. Я мог что угодно перепутать.

— А про голос Полины?

— Я имел в виду воспоминания. Любой нормальный человек понял бы.

— Ты дал два разных объяснения. Они оба есть в бумагах.

— Я устал. Мне было плохо. При чём здесь психиатрия?

Дмитрий молчал. Он положил рядом протокол моего первого допроса и обвёл два слова: «не помню». Потом снова посмотрел на выписку.

— Нам стоит просить экспертизу, — произнёс он наконец.

— Ты издеваешься?

— Не говорю, что ты болен. Говорю, что у суда появились основания проверить твоё состояние. Согласия у тебя спрашивать не обязаны. Но нам лучше самим поставить вопросы экспертам.

— А если они что-нибудь напишут? Ты понимаешь, что обо мне будут говорить?

— Сейчас о тебе говорят, что ты убил человека, — тихо ответил он. — Давай расставим приоритеты.

Я замолчал.

Дмитрий поправил галстук. Утром он почти не поднимал глаз от своих записей. Теперь он смотрел на меня внимательно, как будто впервые за долгое время ждал ответа.

— Это не оправдание, — сказал он. — Эксперты вполне могут подтвердить, что ты осознавал свои действия. Тогда мы вернёмся к тому же делу. Но если появились сомнения, суд обязан их проверить.

— Значит, ты хочешь, чтобы меня проверяли психиатры?

— Я хочу, чтобы мы не упустили ни одного обстоятельства. Даже если ответ нам не понравится.

Он сложил листы и выровнял края. Я смотрел на его руки. Они не дрожали.

— Не спорь сегодня с судом, Максим. Просто не спорь.

Когда заседание возобновилось, Дмитрий заявил ходатайство о назначении судебно-психиатрической экспертизы. Он не называл меня больным. Просил выяснить, мог ли я понимать значение своих действий в тот вечер и могу ли сейчас участвовать в защите. Прокурор говорил, что новые сведения ещё ничего не доказывают, но против проверки не возражал. Судья предложила сторонам представить письменные вопросы экспертам. Их обсудили, часть формулировок изменилась, и суд вынес определение о назначении экспертизы. До получения заключения рассмотрение дела отложили.

Я почти не услышал последних слов. За весь день мне впервые предложили не приговор, а ожидание. Несколько недель, в течение которых никто не мог окончательно решить мою судьбу. Мне казалось, что это уже победа.

В коридоре Андрей Громов догнал нас у лестницы. Охранник шагнул между нами прежде, чем я успел что-либо сказать.

— Вы и это хотите использовать? — спросил Андрей у Дмитрия. — Теперь будете доказывать, что он ничего не понимал?

— Мы используем предусмотренную законом процедуру, — ответил адвокат.

Андрей посмотрел на меня. Он не кричал. Только произнёс усталым, ровным голосом:

— Она ведь тоже хотела жить.

Я отвернулся. Мне хотелось ответить, что он не знает, о чём говорит. Но вдруг выяснилось, что я не могу подобрать ни одного слова, которое не прозвучало бы жалко.

Охранник попросил нас идти дальше. Андрей остался стоять у лестницы. Когда я оглянулся, он держался за перила так крепко, что побелели костяшки пальцев.

• • •

Пока конвой оформлял бумаги, мы с Дмитрием говорили в коридоре. За окном остановился автобус. На стекле кто-то нарисовал рожицу. Люди внутри освобождали друг другу место. Никто не просил разрешения сесть или выйти.

— Это хорошо? — спросил я наконец.

Дмитрий убрал телефон.

Для Дмитрия случившееся было всего лишь паузой. Я принялся перебирать варианты: если экспертиза подтвердит вменяемость, мы вернёмся к прежней защите; если нет — что тогда? Он не хотел подменять неизвестное удобным ответом. Я разжал пальцы: всё время разговора держался за край подоконника.

— А если нет?

Дмитрий посмотрел в окно. Автобус тронулся. На его месте остался мокрый серый асфальт.

— Тогда, Максим, всё может пойти совсем по-другому.

Я вспомнил, как Андрей Громов произнёс слово «жизнь», имея в виду то, что я отнял у его дочери. Мне не хотелось думать о Полине. Я смотрел на свою руку: она всё ещё была моей.

Спустя полчаса машина, в которой меня везли обратно, повернула к изолятору. Конвоир зевнул.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

Впервые за девять месяцев мне показалось, что я нашёл выход.

Глава вторая Счастливый билет

На третьем собеседовании психиатр положила передо мной чистый лист и попросила рассказать о последнем вечере с Полиной.

Я спросил, нельзя ли обойтись без бумаги. Она ответила, что лист для неё, и придвинула его к себе. До этого момента я вполне спокойно переносил все обследования. Но стоило кому-нибудь приготовить ручку, как мне начинало казаться, что от меня ждут ошибки.

— Вы можете начать с того, почему приехали к ней, — сказала женщина.

На бейдже значилось «Анна Романовна». Фамилию я не прочёл: пластиковая карточка перевернулась, когда она села. Мы встретились трижды, и ни разу она не повысила голос. На мой взгляд, именно так и должен вести себя человек, которому платят за то, чтобы выслушивать чужие неприятности.

Я ответил, что приехал к Полине по её просьбе и что мы собирались расстаться. Психиатр уточнила время — собирались или уже расстались? Мне пришлось исправиться. В такие мгновения я особенно остро чувствовал, как один глагол способен изменить целую историю.

Психиатр сделала короткую пометку. Я не видел, что она написала, и это мешало сосредоточиться.

После суда меня на время перевели из изолятора в отделение, где проводили экспертизу. В первый день обыскали вещи, забрали ремень, показали палату на двоих. Мой сосед, пожилой мужчина с аккуратно уложенными волосами, всё время читал газету. Мы ни разу не спросили друг друга, почему оказались здесь.

Медсёстры приносили еду по расписанию. Никто не кричал, не требовал признания, не грозил сроком. В коридоре стояли цветы в пластиковых горшках, листья которых кто-то протирал от пыли. Я счёл это признаком хорошего учреждения. Если за цветами ухаживают, значит, персонал не совсем безразличен к тому, что ему поручено.

Меня осматривали, давали задания, задавали вопросы. Некоторые я считал глупыми. Другие — опасными. Почему я не позвонил в полицию после ссоры? Почему несколько раз менял показания? Что мне приходит в голову, когда я слышу имя Полины?

На первые два вопроса у меня были готовые ответы. С третьим я каждый раз задерживался.

По ночам я мысленно репетировал подробности того вечера. Я помнил сколотую ручку кружки, красный карандаш на полу и тяжесть пресс-папье. Вопрос состоял не в том, чтобы забыть эти вещи. Нужно было решить, о каких из них говорить. Я слишком хорошо знал разницу между провалом в памяти и отказом что-либо вспоминать.

— Вы говорили врачу в изоляторе, что слышите её голос, — напомнила Анна Романовна.

— Иногда перед сном.

— Что именно она говорит?

Я посмотрел на чистый лист. Хотел сказать «ничего», но вспомнил, что в медицинских записях уже было другое слово. Менять версию не стоило.

— Спрашивает, зачем я к ней приехал.

На самом деле я помнил лишь её последнюю просьбу уйти. Голос Полины не звучал у меня в голове сам по себе. Мне приходилось вспоминать его, как вспоминают давно услышанную мелодию. Я полагал, что психиатр и без моих объяснений должна понимать разницу.

— Вы отвечаете ей?

— Иногда.

— Что отвечаете?

Я потянулся поправить манжету и обнаружил, что рубашка без пуговицы у запястья. Бельё здесь выдавали казённое, одинаковое. Я опустил руку на колено.

— Что это уже неважно.

Она записала и это.

— Вы впервые услышали её голос после смерти Полины?

Я знал, что на первом осмотре сказал именно так. Но комиссия должна была оценивать моё состояние в тот вечер, а не то, как я спал в изоляторе девять месяцев спустя.

— Кажется, раньше, — ответил я. — В её квартире. Она стояла передо мной, а я словно слышал, как кто-то повторяет её слова за стеной.

— В записи врача сказано: после задержания.

Я почувствовал сухость во рту. Анна Романовна впервые не просто слушала, а сопоставляла мои ответы.

— После задержания я стал разбирать слова. До этого был только звук. Наверное, я плохо объяснил.

Она перевернула лист. Я успел заметить две строчки с датами — до смерти Полины и после. Меня охватило желание попросить всё зачеркнуть, но тогда пришлось бы объяснять почему.

Меня раздражала её манера не спорить. Следователя можно было поймать на неточности, вывести из себя. Эта женщина слушала и иногда просила вернуться к одному слову. Я не понимал, хорошо или плохо отвечаю, и всякий раз говорил больше, чем собирался.

На последнем собеседовании присутствовали трое специалистов. Старший, с короткими седыми волосами, спросил, считаю ли я себя виновным в смерти Полины.

— Нет, — ответил я.

— Почему же, по-вашему, вы здесь?

— Потому что полиция уверена в обратном.

Он кивнул, словно мы обсуждали погоду. Женщина справа попросила меня восстановить дорогу домой в ночь убийства. Я рассказал про светофор на перекрёстке, потом спохватился и сказал, что мог перепутать тот вечер с другим. Старший эксперт не поднял головы. Я решил, что испортил всё.

— Вы помните дорогу, но не можете рассказать, что происходило в квартире между ссорой и вашим уходом? — спросил он.

Я мог рассказать. В подробностях, от которых у Анны Романовны закончилась бы бумага. Вместо этого посмотрел на старшего эксперта и ответил:

— Есть куски. И есть место, где ничего нет.

Он не стал просить показать границу между ними. Положил ручку поперёк папки и велел мне подождать в коридоре. Пока я сидел на жёстком стуле, из-за двери доносились голоса. Слов разобрать не удавалось. Я впервые не мог понять, обсуждают ли мою болезнь или мою ложь.

Когда обследование закончилось, меня вернули в изолятор. Сосед с газетой пожал руку на прощание и пожелал удачи. Я хотел спросить, можно ли вообще пожелать удачи человеку

в таком месте, но воздержался. В машине конвоир задремал. Я смотрел в зарешечённое окно и пытался понять, какие ответы следовало дать иначе.

Мне казалось, что эксперты быстро разберутся. Ни один из них не выглядел глупцом.

• • •

Дмитрий Орлов пришёл через двенадцать дней. У нас было назначено свидание для обсуждения заключения, и я подготовил список вопросов: сколько это продлится, станут ли снова вызывать свидетелей, удастся ли наконец убедить судью, что моё присутствие в квартире ничего не доказывает.

Адвокат вошёл без пальто, с тонкой серой папкой. Обычно он усаживался, доставал карандаш и давал мне выговориться. На этот раз сначала попросил воды. Выпил почти весь стакан, поставил его точно на круглый след от предыдущего и только потом посмотрел на меня.

— Максим, я прочитал заключение дважды, — сказал он.

— Ну и что?

— Трижды. Третий раз — вместе с нашим консультантом.

У Дмитрия было особое выражение лица для плохих новостей: он становился внимательнее, чем обычно, и начинал говорить слишком чётко. Сейчас он выглядел иначе. На лбу у него выступила глубокая складка, словно он долго пытался решить задачу, в условии которой пропущена строка.

— Признают, что я был в своём уме? — спросил я.

Он открыл папку.

— Комиссия считает, что на момент совершения деяния у тебя имелось психическое расстройство, из-за которого ты не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими.

Он выдержал паузу, ожидая моей реакции. Я не сразу понял, почему он произнёс эти слова таким голосом.

— То есть?

— То есть эксперты пришли к выводу о невменяемости. Именно на момент смерти Полины.

Я посмотрел на его руки. Папка лежала ровно, но Дмитрий держал её за край двумя пальцами.

— Они ошиблись.

— Возможно.

— Я не псих.

— Я слышу.

— Ты же сам говорил, что они подтвердят, что я нормальный.

— Я говорил, что это возможно. И, честно говоря, ожидал именно этого.

Он повернул заключение ко мне. Я выхватил знакомые слова: «показания», «поведение», «жалобы», «данные медицинской документации», «в период инкриминируемого деяния». Под документом стояли подписи членов комиссии. Ни одно имя ничего мне не говорило.

Под заключением были приложения и отметки о поступивших материалах. Я скользнул по ним взглядом, задержался на строке «консультативное мнение по представленным документам» без фамилии на видимой части листа и вернулся к главному выводу. В тот день меня не интересовали люди за пределами комнаты экспертов. Мне нужно было лишь, чтобы они не передумали.

— Они решили, что я не понимал, что делаю?

— Они так написали. Но решение будет принимать суд. Заключение не заменяет постановления.

— На чём они это построили? На том, что я плохо спал?

Дмитрий быстро перелистал заключение, будто искал абзац, который мог бы мне показать. На одной странице он задержался дольше.

— Здесь не только твои ответы. Наблюдение в стационаре, записи медчасти изолятора, сопоставление твоих рассказов о вечере убийства. Они пишут о болезненном состоянии, начавшемся до смерти Полины. И о том, что внешне упорядоченные действия не исключают нарушения именно в момент деяния.

— Но я помню, зачем приехал к ней.

Он поднял на меня глаза. В комнате стало неудобно тихо.

— Это ты мне сейчас говоришь, Максим. А комиссии ты рассказывал другое. Я прочитал и твои объяснения, и их выводы. Честно? У меня вопросов больше, чем ответов.

Я откинулся на спинку стула. Меня будто оскорбили при людях, хотя в комнате были только мы двое.

— Ты можешь это оспорить?

Дмитрий снял очки, протёр стёкла и снова надел. Похоже, он давно ждал этого вопроса.

Дмитрий мог ходатайствовать о дополнительной или повторной экспертизе, но хотел знать, какой результат мне нужен. Я потребовал исправить заключение и тут же осёкся: признание меня вменяемым означало возвращение к обычному обвинению в убийстве. «Другого дела у нас нет, Максим», — сказал он. Я отвернулся от этого простого выбора, словно можно было найти третий вариант, не назвав его.

Он достал ещё один лист. Там была таблица с датами, статьями и несколькими суммами. Одну сумму я узнал: её предъявляли мне во время следствия по строительным контрактам. Прокурор связывал убийство с попыткой скрыть другое преступление. Дмитрий называл эту квалификацию спорной, но она оставалась в обвинении.

— Если суд пойдёт по версии обвинения и признает тебя вменяемым, — сказал адвокат, — речь может идти о пятнадцати годах. Возможно, о двадцати. Я не могу предсказать приговор, но диапазон ты понимаешь. И у тебя уже есть непогашенная судимость за умышленное тяжкое преступление.

Я отвёл глаза.

Шесть лет назад один человек попал в больницу после разговора со мной возле ресторана. Он назвал меня мошенником при двух моих партнёрах. В суде выясняли, с какой силой я ударил его и что произошло, когда он упал. Я называл это дракой. В приговоре стояло «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью». Тогда я провёл в колонии два с лишним года. После освобождения устроился в строительную компанию, начал с небольшого отдела и постепенно вернул себе привычную жизнь. Мне казалось, ту историю мы давно закрыли.

— Ты снова про неё, — сказал я.

— Прокуратура тоже про неё. Для них это не история, которую можно забыть. Это повторное умышленное насилие. Слово «рецидив» прозвучит в суде, если дело дойдёт до назначения наказания.

Я хотел сказать, что с тех пор изменился. Но передо мной лежало заключение о состоянии, которого, как я знал, у меня не было. Пришлось сначала разобраться с ним.

— И что ты предлагаешь?

Дмитрий сложил руки на столе.

— Не оспаривать заключение только потому, что тебе неприятно слово «невменяемый».

— Значит, согласиться, что я сумасшедший?

— Согласиться с тем, чтобы суд рассмотрел выводы экспертов. Не мешать. Это разные вещи. Тебе не нужно подписывать признание, да и твоё согласие на экспертизу не было обязательным. Суд сам оценит материалы.

— А если поверит?

— Тогда тебя не отправят отбывать срок за убийство. Будут решать вопрос о принудительном лечении.

Я повторил последние два слова про себя. «Принудительное лечение». Они звучали неприятно, но гораздо лучше, чем «колония строгого режима».

— Надолго?

— Срок заранее не назначают. Врачи будут оценивать твоё состояние, а вопрос о прекращении или изменении лечения решает суд. Комиссия будет освидетельствовать тебя не реже чем раз в полгода; попросить внеплановую оценку тоже можно, но решение об изменении принудительного лечения остаётся за судом. Если заключение будет благоприятным, можно будет просить о выписке уже после первого пересмотра. Но это не обещание освобождения через шесть месяцев.

Я слушал первую половину фразы. Дальше мысли пошли быстрее слов адвоката. Полгода. После девяти месяцев изолятора это казалось коротким отпуском. Я вспомнил палату с газетой, цветы в коридоре. Если вести себя безупречно, выпустят, возможно, и раньше.

— Значит, полгода, — произнёс я.

— Я сказал не это.

— Примерно.

— Максим, послушай меня внимательно. Лечение может затянуться. Там нет срока, который можно просто отсидеть.

Но я уже прикинул, сколько мне будет через полгода. Тридцать пять. Ровно столько же, сколько сейчас. На этот раз цифра меня устраивала.

Дмитрий смотрел на меня с таким выражением, будто хотел ещё раз что-то уточнить. Потом неожиданно усмехнулся.

— Я работаю много лет и такого поворота не припомню. С обвинением, доказательствами и твоей прежней судимостью... — Он покачал головой. — Не знаю, каким образом тебе достался этот счастливый билет. Но я бы не стал рвать его только из гордости.

Я впервые за долгое время улыбнулся ему без усилия.

• • •

Вечером я попросил дежурного передать заявление о дополнительном свидании с адвокатом. Хотел узнать, что будет с квартирой и машиной, пока я лечусь. Шесть месяцев меня устраивали, но на работе и за такое время можно потерять кабинет.

Я составил список на обороте заявления. Квартира. Автомобиль. Счёт в банке. Изъятый ноутбук. Часы, оставшиеся у следователя. Потом мне зачем-то вспомнилось лицо матери Полины на заседании, и я перечеркнул список так резко, что прорвал бумагу.

Не от стыда. Меня разозлило, что я снова подумал о её семье, когда нужно было заниматься своими делами.

Через несколько дней Дмитрий принёс новости из компании. Исполняющим обязанности руководителя проектов назначили Илью Миронова — моего заместителя. Илья отправил через адвоката короткое письмо, написанное на обороте распечатки с производственными показателями.

«Макс, за квартирой присмотрим. Твои вещи из кабинета сложены, ничего не выбрасывали. Когда всё закончится, поговорим о работе. Держись».

Отдельной строкой, после подписи, он добавил: «По распоряжению директора я пока пересел в твой кабинет. Надеюсь, ты не против».

Я знал Илью семь лет. В те месяцы, когда меня судили за драку у ресторана, он продолжал присылать мне документы и называл случившееся «личными обстоятельствами». На этот раз поступил так же. Мне нравилось его умение не задавать лишних вопросов.

Слово «пока» мне не понравилось. Так говорят, когда переставляют чужую мебель в надежде, что хозяин не вернётся. Я перечитал строчку дважды и представил, как Илья садится

в моё кресло, достаёт из моего ящика запасную ручку и диктует секретарю распоряжения, которые раньше отдавал я. На бумаге осталось маленькое пятно от моего большого пальца: я сжал лист слишком сильно.

— Ответ напишешь? — спросил Дмитрий.

— Конечно. Скажи, чтобы не трогал мой стол. И пусть проверит договор с подрядчиком по западному корпусу. Там в расчётах одна ошибка.

Я принял его молчание за неодобрение. Я объяснил, что рано или поздно вернусь к работе. Он напомнил: заключение экспертов ещё будет оценивать суд; ни один его лист не заменяет судебного решения. Я услышал напоминание как досадную формальность.

Я не стал спорить. За последние месяцы Дмитрий так часто перечислял риски, что от этого перестал казаться осторожным и начал казаться утомительным. В моей профессии тоже существовали люди, которые находили проблему даже после подписания всех актов. Обычно их переводили на другую работу.

В ответе Илье я написал, что скоро вернусь, попросил не отдавать моё кресло бухгалтерии и пообещал разобраться с западным корпусом. О Полине и её документах не сказал ни слова. Сегодня мне не требовалось думать об этом деле.

За ночь до заседания я почти не спал. Не потому, что боялся. Мне хотелось мысленно пройти тот день по минутам: вход в зал, вопросы судьи, заключение, постановление. Я представлял, как в очередной раз услышу слова «освободить от уголовной ответственности», и всякий раз приходилось сдерживать улыбку.

Утром, когда меня повели к машине, я впервые сам попросил конвоира не торопиться. Хотел успеть застегнуть манжеты одинаково. Он подождал, не сказав ни слова.

• • •

На столе судьи лежала толстая папка с моим именем. Я невольно проверил, не перепутали ли фамилию. Не перепутали.

Места для слушателей были заняты. Андрей Громов сидел у прохода в тёмном свитере, Ольга — рядом, с прямой спиной и сложенными на коленях руками. Позади устроились журналисты. На судебных фотографиях я всегда выглядел виноватым: камера ловила момент, когда я опускал глаза.

Ольга заметила меня первой. Повернулась к мужу и что-то сказала. Андрей посмотрел в мою сторону, но не встал. Это было хуже обычной ненависти, с которой он встречал меня на предыдущих заседаниях. Я приготовился к крику, а он просто наблюдал.

Дмитрий показал мне место и тихо произнёс:

— Помни: сегодня суд будет решать не вопрос о сроке. Не отвечай на то, о чём тебя не спрашивают.

— Мне и не нужно ничего говорить.

— Тем лучше.

Судья вошла, и все поднялись. Та же серебристая прядь, тот же способ раскладывать листы. В прошлый раз её руки могли подписать приговор. Теперь я смотрел на них почти с благодарностью.

Заседание началось с заключения комиссии. Председательствующая перечисляла даты, фамилии экспертов, медицинские записи, результаты наблюдения. Я слышал собственное имя много раз и не мог привыкнуть к тому, как спокойно его произносили рядом со словом «расстройство».

— Согласно заключению, — читала судья, — в период совершения деяния Фитров Максим не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В настоящее время, по мнению специалистов, нуждается в лечении и наблюдении в стационарных условиях.

В зале кто-то сдавленно вздохнул. Я не обернулся.

Судья напомнила, что заключение ещё нужно оценить вместе с доказательствами, и предоставила слово прокурору. Тот поднялся без обычной папки.

— Сам факт совершения деяния, запрещённого уголовным законом, подтверждён исследованными доказательствами, — сказал он. — У следствия не было и нет сомнений в том, кто причинил смерть Полине Громовой. Мы просим суд учитывать тяжесть последствий, характер действий Фитрова и данные о его прежнем поведении при определении необходимой меры медицинского характера.

Он перестал требовать наказания. Теперь речь шла о мерах и наблюдении, словно в этом деле никто не умирал.

Представитель семьи Громовых поднялась сразу после прокурора. Невысокая женщина с короткой стрижкой держала распечатку заключения, испещрённую карандашными пометками.

— У потерпевшей стороны есть вопросы к обоснованности этих выводов, — сказала она. — Перед нами человек, который после убийства забрал документы, скрыл их в рабочем кабинете, а на следующее утро ответил на рабочие письма и провёл совещание. Один из сотрудников показал, что Фитров потребовал исправить смещение заголовков в презентации на несколько миллиметров. Мы просим объяснить: как человек, способный контролировать такие мелочи, мог несколькими часами ранее не понимать последствий собственных действий? Родители потерпевшей просят назначить повторную экспертизу.

Меня обдало жаром. Я помнил, как велел переделать презентацию. Теперь эти два миллиметра стали доказательством, от которого зависела моя свобода.

Я посмотрел на Дмитрия. Он не шелохнулся.

— Они могут? — шепнул я.

— Просить могут. Суд решит. Не вмешивайся.

Представительница ссылалась на сообщения Полине и записи камер. Впервые за несколько дней мне пришло в голову, что удача может исчезнуть так же легко, как появилась.

Один из экспертов отвечал по видеосвязи. На экране возник знакомый седой мужчина, за плечом — шкаф с одинаковыми папками. Он подтвердил заключение.

Представитель семьи спросила, как комиссия объясняет мои действия после смерти Полины. Эксперт не отрицал их, но сказал, что видимая последовательность поступков не отменяет нарушений, установленных при обследовании.

Представительница села. У неё закончились вопросы.

Но судья не закрыла папку.

— Уточните, пожалуйста, — сказала она эксперту. — В первичной медицинской записи говорится, что жалобы на голос погибшей появились после задержания. При обследовании Фитров относил их уже к вечеру происшествия. Вы исследовали это расхождение?

На экране мужчина опустил глаза. За его спиной кто-то прошёл, не попав в кадр. Я почувствовал, как перестал дышать. Анна Романовна всё-таки записала обе мои версии. Столько дней я радовался заключению и ни разу не подумал о том, что оно могло сохранить именно ту ошибку, которую я пытался исправить.

— Да, — ответил эксперт, отыскав нужную страницу. — Это отражено в исследовательской части. Мы разделяли время возникновения болезненных переживаний и время, когда обследуемый смог их описать. Вывод основан не на одной жалобе: оценены наблюдение в стационаре, сведения медчасти и особенности воспроизведения событий. После описанного нами острого нарушения он мог совершать внешне целенаправленные действия.

— То есть вы не считаете, что сокрытие документов само по себе опровергает ваш вывод?

— Нет. Мы учитывали и это обстоятельство.

Судья сделала пометку. Дмитрий не наклонился ко мне, не коснулся моего рукава. Он смотрел только на неё. От этого я впервые испугался по-настоящему: если сейчас назначат

повторную экспертизу, мне снова придётся отвечать на те же вопросы. И никто не обязан будет поверить прежним ответам.

Дмитрий выступил коротко. Он говорил о том, что защита не ставит под сомнение необходимость медицинской оценки, и попросил суд решить вопрос в установленном порядке. Мне не понравилось, что он ни разу не сказал «невиновен». Я хотел ткнуть его локтем, но вспомнил свой прежний успех: если молчать, иногда можно получить больше, чем за тысячу объяснений.

Ольга Громова попросила слово. Судья разрешила ей высказаться.

— Я слышу, что он не отвечал за себя, — сказала Ольга. — Но ведь он отвечал мне на сообщения. Отвечал Полине. Он знал, когда у неё день рождения и какую дверь открыть, чтобы войти в её квартиру. Как можно сказать, что он ничего не понимал?

Она держалась за край скамьи. На руке блестело кольцо — подарок Андрея, который Полина однажды показывала мне на фотографии.

— У неё был макет дома, — вдруг сказала Ольга. — Из картона, с крошечными балконами. Мы забрали его из квартиры. У одного балкона отломился угол, когда перевозили. Я всё это время думаю, что надо бы приклеить его обратно. Но не могу даже взять этот дом в руки.

Я вспомнил макет на пыльном подоконнике. Мне хотелось, чтобы мать скорее вернулась к делу, а не рассказывала о картонаже. Ольга замолчала, будто сама удивилась этим словам.

— Мне объяснили, что это не оправдание, — продолжила Ольга. — Но если суд не отправит его в тюрьму, все будут говорить именно так. Что он избежал наказания. А нам с этим жить.

Она села. Андрей положил ладонь ей на плечо и сам встал.

— Если вы решите, что его надо лечить, лечите, — сказал он. — Только не выпускайте его через полгода, когда мы ещё не научимся просыпаться без мысли о том, что нашей дочери нет.

На словах «через полгода» я непроизвольно поднял голову. Андрей заметил это.

— Вот, — сказал он судье. — Вы видите? Он услышал только срок. Остальное ему неважно.

Дмитрий коснулся моего запястья под столом. Я опустил глаза, но поздно: Андрей уже смотрел на меня так, будто я снова стоял на пороге квартиры Полины с синей папкой в руках.

Судья попросила всех соблюдать порядок. Представитель семьи ещё раз заявила просьбу о повторной экспертизе. Дмитрий возразил: ни одного противоречащего заключения сторона не представила, сомнения в поведении подсудимого уже были предметом исследования комиссии. Судья выслушала стороны и объявила перерыв перед решением.

Меня вывели в коридор. Там было холоднее, чем в зале; пахло свежевымытыми полами. Я сел на край скамьи и обнаружил, что всё это время сжимал руку в кулак. На ладони остались четыре красные отметины от ногтей. Пришлось медленно разжать пальцы.

За два года с лишним в колонии я научился не считать календарные дни. Сначала это делаешь постоянно; потом перестаёшь, потому что цифры не помогают. Сейчас я представил пятнадцать таких лет. Не умножение на бумаге — запах мокрой одежды в сушилке, гул железной двери на рассвете, привычку спрашивать разрешения на самые простые вещи. Меня передёрнуло. Впервые слово «лечение» показалось мне не унижением, а укрытием.

— Она ведь может назначить повторную? — спросил я Дмитрия.

— Может. Мы привели свои доводы. Теперь ждём.

— А ты сам веришь, что они ошиблись?

Он посмотрел на меня поверх очков. Впервые за несколько месяцев мне не понравилось, что он отвечает не сразу.

— Я верю, что суд должен проверить все сомнения, — сказал он наконец.

— Ты хорошо умеешь не отвечать на вопросы.

— А ты хорошо умеешь слышать только удобные ответы.

Мы замолчали. На другом конце коридора Андрей Громов разговаривал с представительницей семьи. Ольга стояла у окна, придерживая сумку обеими руками. Она не плакала.

Временами смотрела на дверь зала, словно надеялась, что из неё выйдет кто-то и скажет: произошла ошибка, сейчас начнём с самого начала.

Судья вернулась, и нас снова пригласили внутрь. Моё сердце стучало так громко, что я не сразу различил первые слова. Просьбу о повторной экспертизе отклонили. В заключении комиссии суд не нашёл оснований сомневаться настолько, чтобы отправлять дело на новое исследование. Я понял это прежде, чем Дмитрий слегка кивнул.

Дальше прозвучали знакомые факты: Полина Громова погибла в своей квартире, причинил ей смерть я, доказательства изучены. Судья перечисляла их без заминки. От них уже нельзя было спрятаться за показания соседки или за недостаточно точное время смерти.

Когда она перешла к выводам экспертов, я неожиданно перестал слышать часы. Всё внимание ушло в одну фразу. Суд установил, что запрещённое уголовным законом деяние совершено мной в состоянии невменяемости. Затем судья произнесла, что я подлежу освобождению от уголовной ответственности, а вместо наказания ко мне применяется принудительная мера медицинского характера — лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа.

«Освобождению».

Я мысленно повторил это слово несколько раз. В документах оставались смерть Полины, кровь на одежде, спрятанная папка, мой прежний приговор. Ничего не исчезло. И всё же мне не назначили ни пятнадцати лет, ни двадцати. Судья продолжала читать о порядке исполнения постановления и праве на обжалование. Я уже видел себя в дверях собственной квартиры.

Дмитрий незаметно наступил мне на носок ботинка. Я понял, что улыбаюсь, и опустил голову. Улыбка не проходила. Пришлось прикрыть рот ладонью, будто я кашляю.

— Нет, — сказала Ольга Громова.

Сначала её почти не было слышно. Она поднялась, держась за спинку передней скамьи.

— Нет. Вы не можете просто отпустить его.

Судья напомнила, что речь не идёт о свободном выходе из суда. Ольга словно не услышала.

— Он убил её. Вы сами сейчас это сказали. Вы сказали, что он убил, а потом сказали «освободить». Как нам это понять?

Андрей поднялся рядом и попросил её сесть. Она оттолкнула его руку, впервые за всё заседание.

— Сколько людей ещё должно умереть, чтобы он ответил за то, что сделал?

Представительница семьи тихо заговорила с ней. Прокурор повернулся к судье. Раздался короткий стук по столу. Андрей обнял жену, и она наконец позволила ему вывести себя из первого ряда. Уже у прохода он остановился и посмотрел на меня.

— Мы обжалуем это, — сказал он. — Слышишь, Фитров? Мы будем следить за каждым решением. Если тебя выпустят, я тебя найду.

Охранник попросил его пройти дальше. Андрей не сопротивлялся, только повторил тише:

— Я тебя найду.

Я встретил его взгляд. Мог бы сказать, что не боюсь. Мог бы попросить Дмитрия пожаловаться на угрозы. Но мне не хотелось портить минуты, в которые весь зал узнал то, что я уже считал победой. Я промолчал и посмотрел на рукав своей рубашки. Манжета лежала ровно.

• • •

На выходе из зала Дмитрий задержал меня у двери для конвоя.

У дверей для конвоя Дмитрий попросил меня не улыбаться перед людьми. Суд не признал меня невиновным; он установил, что я лишил человека жизни, и назначил лечение, продолжительность которого неизвестна. Я видел, как адвокат ждёт, что эти слова наконец произ-

ведут впечатление. Но в моей голове звучало только другое: двадцать лет мне не дали. Именно это я и ответил.

Дмитрий покосился на охранника и понизил голос:

— Родители могут обжаловать постановление. Прокурор тоже. А решение о выписке в будущем не будет зависеть от того, насколько вежливо ты поговоришь с врачом. Ты не можешь просто выбрать себе дату.

— Я понимаю.

— Нет. Пока что мне кажется, ты слышишь слово «освободить», а всё остальное пропускаешь.

Он попал в точку. Слово «освободить» перекрывало для меня всё остальное.

— Спасибо, Дмитрий, — сказал я.

Он удивился. Я редко благодарил его: обычно требовал и спорил. Но ходатайство об экспертизе подал Дмитрий. Без него я, возможно, уже готовился бы прожить остаток жизни за тюремным забором.

— Не благодари пока, — ответил он. — Поговорим после того, как узнаем, куда тебя направят.

Я пожал ему руку. Он не отнял её, но и не улыбнулся.

У бокового входа журналист окликнул меня и спросил, считаю ли я решение справедливым. Конвоир велел идти.

Мне очень хотелось ответить: «Да».

• • •

Вечером в изоляторе мне дали обычный ужин: гречку с подливой и чай. Всё было такого же цвета и вкуса, как накануне. Но я ел медленно, почти с удовольствием. Сосед по камере Кирилл, ожидавший суда по делу о поддельных документах, спросил, почему я сегодня в хорошем настроении.

— Не дали срок, — ответил я.

— Оправдали?

— Нет. Признали невменяемым.

Кирилл отложил ложку. Он всегда боялся сказать лишнее.

Кирилл спросил, правда ли меня отправят в больницу. Я ответил, что ненадолго: через полгода врачи посмотрят, как я себя веду, и тогда выпустят. На каком основании я так уверен, объяснять не стал. У меня не было оснований, кроме желания поверить в собственный расчёт.

Он вернулся к гречке. Я решил, что он завидует: не каждому достаётся нужная бумага вместо большого срока.

Кирилл достал из тумбочки две вафли в прозрачной упаковке. Одну положил передо мной.

— Тогда за удачу, — сказал он.

Мы подняли кружки с чаем. Я не выпивал с самого задержания и, вероятно, ещё долго не смогу. Но это был лучший тост за последние месяцы. Я разломил вафлю пополам и съел обе части, почти не чувствуя сладости.

Ночью я написал Илье второе письмо: спросил о ремонте и машине, а затем добавил: «К весне вернусь». Хотел поставить восклицательный знак, но зачеркнул его. Пусть видит спокойную уверенность, а не возбуждение.

Ответа я не дождался. Через несколько недель меня вызвали с вещами. За мной приехал микроавтобус с обычными сиденьями и тёмными стёклами. Медработник сверил фамилию со списком и сказал, что дорога займёт чуть больше часа.

В дороге я расспросил сопровождающего о звонках и свиданиях. Он несколько раз повторил, что всё будет по правилам отделения и подробности объяснят на месте. Я принял это за хороший знак: если существуют правила, значит, можно научиться ими пользоваться.

Мне понравился его спокойный тон. Со мной говорили не как с подсудимым, а как с человеком, которому нужно объяснить распорядок нового места.

За окном мелькали дома, остановки, магазины. Люди стояли у пешеходных переходов, прижимали к ушам телефоны, несли пакеты. Я разглядывал их с почти профессиональным интересом: скоро снова окажусь среди них, буду опаздывать на совещания, ругаться из-за парковки, выбирать продукты в магазине без чужого разрешения.

Медработник спросил, не укачивает ли меня. Я ответил, что всё в порядке, и поудобнее устроился у окна. В кармане лежала копия постановления, сложенная вчетверо. Я несколько раз доставал её и находил глазами слово «освободить».

Потом спрятал бумагу и мысленно подсчитал дни до весны. На этот раз ошибаться в цифрах мне не хотелось.

Я был уверен, что скоро окажусь на свободе.

Глава третья Новая жизнь

Я понял, что мы приехали, когда микроавтобус свернул с шоссе на аллею, обсаженную липами. Дорога здесь была ровнее городской. За окнами промелькнули низкое кирпичное здание, две скамейки возле клумбы, человек в рабочем халате, который поливал из шланга кусты. Всё напоминало санаторий, куда однажды отправляли нашего главного бухгалтера после операции. Только у въезда стояли ворота, а возле них дежурил мужчина с рацией.

Медработник попросил меня приготовить постановление. Я развернул сложенный вчетверо лист, нашёл нужную страницу и протянул ему. Он посмотрел фамилию, сверился со списком и велел подождать. Я воспользовался паузой, чтобы рассмотреть окна. Большие, чистые, без решёток. На третьем этаже кто-то выставил горшок с красной геранью.

В изоляторе я привык, что любой переезд начинается с окрика и заканчивается обыском. Здесь дежурный открыл дверь машины и сказал:

— Добро пожаловать. Не спешите, ступенька высокая.

От этих слов я даже остановился. Добро пожаловать. Последний раз подобное говорили мне в гостинице, где номера стоили больше средней зарплаты. Правда, ключ от ворот дежурный оставил у себя.

В приёмном отделении пахло мылом и свежей краской. За стойкой сидела женщина лет пятидесяти в синем медицинском костюме. Она представилась Тамарой Петровной, старшей сестрой, и попросила назвать дату рождения. Я назвал. Она проверила документы, сняла копии и объяснила, что сегодня меня осмотрит врач, а до этого оформят вещи и покажут палату.

Тамара Петровна спросила, как ко мне обращаться. Я выбрал просто «Максим». Она предупредила, что перед процедурами фамилию всё равно будут уточнять. Здесь фамилию спрашивали для журнала, а не для обвинения.

Я улыбнулся. Женщина не знала, что мою фамилию за последние месяцы напечатали десятки раз. Мне нравилась эта будничность.

Вещи описывали долго, но без лишних вопросов. Ремень оставили на хранение, часы тоже. Зубную щётку, расчёску и две книги разрешили взять. Я спросил про мобильный телефон. Тамара Петровна объяснила, что личные аппараты в отделении не используют, зато есть телефон для звонков по расписанию. Корреспонденцию можно получать, свидания — по установленным правилам. Прогулки проводятся на территории больницы и только с сотрудниками; свободного выхода за ворота нет.

Я спросил, сколько здесь обычно лежат. Тамара Петровна предложила обсудить сроки с лечащим врачом: сейчас она отвечала за приём и распорядок.

Меня провели по светлому коридору. За стеклянной дверью слышался телевизор, из другого помещения доносились удары теннисного шарика. На стенах висели пейзажи в одинаковых рамках. Я отметил, что рамы прикручены к стене, а стекло заменено прозрачным пластиком. Практично. В любой больнице что-нибудь разбивают.

Моя палата находилась на втором этаже. Две кровати, шкаф, стол, отдельная тумбочка у каждого, чистый умывальник. На подоконнике — те же больничные цветы, что и в отделении экспертизы, только здесь листья были крупнее. Постельное бельё пахло порошком. Возле кровати лежало сложенное полотенце.

— Соседа пока нет, — сказала сестра. — Если понадобится помощь, кнопка у двери. На ночь двери палат не запираются, но выход из отделения закрыт. По коридору можно ходить до отбоя.

Я провёл рукой по покрывалу. Ни дыр, ни чужих волос, ни следов от сигарет. В колонии за такую кровать можно было бы устроить небольшую драку. Здесь она досталась мне за подпись в журнале.

Расписание питания я запомнил сразу: завтрак в восемь, обед в час, ужин в шесть. После месяцев, в которых не было ни одной даты освобождения, такая точность успокаивала.

Я поблагодарил её так вежливо, что она удивлённо подняла брови. Вежливость ничего не стоила, но иногда действовала лучше любых объяснений.

Оставшись один, я подошёл к окну. За корпусом находился двор с аккуратно подстриженными кустами. Под присмотром сотрудника двое мужчин играли в шахматы за столом, нарисованным прямо на бетонной столешнице. Чуть дальше кто-то читал, вытянув ноги на скамейке. Высокая ограда шла за деревьями и отсюда почти не бросалась в глаза.

Я достал из кармана копию судебного постановления. Бумага успела размягчиться на сгибах. Слова об освобождении от уголовной ответственности никуда не исчезли. Я положил лист в тумбочку, закрыл ящик и впервые за долгое время почувствовал, что у меня есть собственное место, пусть и временное.

• • •

Ужин оказался картофельной запеканкой с курицей, салатом из капусты и компотом. Я ожидал бесцветной каши, но запеканка была горячей, а компот — холодным. На столах лежали салфетки. У окна стоял автомат с питьевой водой, к которому разрешалось подходить самостоятельно.

— Новенький? — спросил мужчина напротив.

У него были седые виски, широкий нос и большие руки с коротко остриженными ногтями. Перед собой он разложил хлеб так ровно, будто собирался строить из него стену.

— Максим.

— Сергей. Можно Сергеич. Только не Серёжа — слишком много людей так звали меня в молодости, и все чего-то требовали.

Я рассмеялся. Он пододвинул мне солонку, а потом указал на свободное место рядом.

— Павел сейчас придёт, у него каждую среду занятия затягиваются. Ты только его про футбол не спрашивай, а то до отбоя не отпустит.

— А ты здесь давно?

— Достаточно, чтобы знать: по средам лучше брать запеканку, а по пятницам — рыбу.

Я понял, что прямого ответа не получу. Меня это устроило. За последние месяцы я и сам устал от вопросов, на которые нельзя отвечать честно.

Павел действительно пришёл через пять минут. Высокий, худой, с ярко-синими шнурками на кроссовках. Увидев свободное место, он сел рядом, не переставая рассказывать Сергею о матче, который смотрел накануне. Его речь была быстрой, но мысли — ясными. Он сразу спросил, за какую команду я болею. Я назвал первую, пришедшую в голову. Павел посмотрел на меня с подозрением.

— Ты точно смотрел их в этом сезоне?

— Не успевал.

— Тогда ладно. Я тебя просвещу.

Мне понравилось, что тема моего появления в больнице на этом исчерпалась. Здесь никто не требовал признания и не ждал оправданий. За столом разговаривали о футболе, запеканке и телевизоре, который вечно переключали на новости перед самым интересным местом фильма.

После ужина Сергей показал мне комнату отдыха. Там были шахматы, настольный теннис, полка с книгами и старый музыкальный центр. На доске объявлений висело расписание групповых занятий: чтение, гимнастика, мастерская, работа с растениями. Отдельно было напечатано время звонков и прогулок с сопровождающими. Я прочитал всё до конца, словно изучал регламент новой компании.

Я признался Сергею, что ожидал увидеть куда более мрачное место. Он усмехнулся: больница, сказал, всё-таки остаётся больницей, даже если за окном забор. Я решил считать эту фразу доказательством здешнего здравомыслия.

Он говорил спокойно, без обиды. Мы сыграли одну партию в шахматы. Сергей выиграл, оставив мне возможность заметить ошибку только после того, как я сделал ход. Я потребовал реванша. Он согласился на завтра и сказал, что новичкам полезно иметь планы.

В ту ночь я долго лежал с открытыми глазами. Не из страха: просто привык засыпать под чужой храп и шаги надзирателя. Здесь за стеной тихо работал телевизор, а в коридоре изредка скрипели подошвы медсестры. Пахло чистым бельём. Я решил, что нужно привыкать к хорошему быстро. В моей жизни и без того было слишком много неудобств, на которые я не соглашался.

Утром обнаружилось, что завтрак можно выбрать из двух блюд. Я взял омлет. Потом получил расписание личных бесед с врачом и направление на занятия в библиотеке: сказали, мне подойдёт работа с каталогом. Я возразил, что всю жизнь руководил людьми, а не расставлял карточки по алфавиту. Тамара Петровна без раздражения ответила:

— Значит, с алфавитом справитесь особенно хорошо.

Я рассмеялся и согласился. Впереди было несколько месяцев. Стоило ли портить их из-за карточек?

• • •

Заведующий отделением принял меня на второй день. На двери было написано: «Михаил Борисович Левин». Я ожидал увидеть человека, который начнёт с расспросов об убийстве, но врач сперва поинтересовался, выспался ли я и подходит ли мне еда.

Левин был невысоким мужчиной с тщательно подстриженными седыми волосами. На нём был тёмно-синий кардиган поверх белой рубашки. Он не носил халат в кабинете и не говорил так, будто я должен отвечать стоя. У окна стояли два кресла, между ними — небольшой столик с коробкой бумажных салфеток. Доктор предложил мне выбрать место самому.

— Тамара Петровна сказала, что вы уже успели познакомиться с соседями, — начал он.

— Один из них обыграл меня в шахматы.

— Значит, есть причина потренироваться.

Я улыбнулся. Мне нравились люди, которые не усложняют очевидного.

Левин раскрыл мою историю болезни. Просмотрел несколько страниц, не делая пометок. Я ждал, когда прозвучит имя Полины. Оно не прозвучало.

Внутри истории болезни торчал узкий лист с чужой синей пометкой на полях. Я решил, что это одна из копий, присланных из изолятора. Левин прикрыл его ладонью, освобождая место для чистого бланка, и больше к бумагам не возвращался.

— Что вы хотите получить от лечения, Максим?

— Как можно скорее вернуться к нормальной жизни.

— А что для вас нормальная жизнь?

— Работа. Квартира. Возможность распоряжаться своим временем.

Он кивнул, будто услышал вполне разумный ответ.

— Хорошие цели. Но здесь нельзя ускорить время усилием воли. Вам придётся участвовать в занятиях, встречаться со специалистами, соблюдать распорядок. Мы будем наблюдать за вашим состоянием и решать, что действительно помогает.

— Я готов сотрудничать.

— Это облегчит нам общение.

Он не обещал мне выписку к весне. Но и не сказал ничего, что мешало бы в неё верить. Я уже хорошо научился отличать одно от другого и предпочёл считать этот разговор удачным.

Левин спросил, чем я занимался до задержания. Я рассказал о строительстве, о проектах, которые вёл, о людях, которыми руководил. Говорил без лишних подробностей о контрактах. Врач интересовался, что мне нравится в работе. Я ответил: возможность видеть результат раньше остальных.

— Дом ещё не построен, — объяснил я, — а ты уже знаешь, где будет вход, что увидит человек из окна, сколько всё это будет стоить. Неплохое чувство.

— Вам нравится предвидеть, — сказал Левин.

— Мне нравится не ошибаться.

Он чуть улыбнулся.

— Тогда в шахматах у вас сильный стимул.

Я вышел из кабинета в отличном настроении. Доктор оказался человеком образованным, спокойным и, главное, не склонным превращать каждый разговор в допрос. За эти два дня я ни разу не столкнулся с грубостью. Пожалуй, в некоторых обычных больницах обслуживание было хуже.

• • •

В библиотеку нас водили по расписанию. Она занимала две комнаты на первом этаже другого корпуса; между корпусами проходили через застеклённый переход. За столом дежурила библиотекарь с толстой тетрадью выдачи. Я приготовился получить список книг для сортировки, но мне дали коробку с карточками и велели проверить, все ли номера совпадают с каталогом.

— Если найдёте несоответствия, помечайте карандашом, — сказала библиотекарь. — У нас часть фонда недавно перенесли.

Работа оказалась скучной, но простой. Я распределил карточки по годам издания и довольно быстро нашёл две ошибки. Попросил другую коробку. Библиотекарь посмотрела на меня с тем же уважением, с каким обычно смотрят на человека, сумевшего починить зависший компьютер.

У соседнего стола девушка подклеивала надорванные страницы книги тонкими полосками бумаги. У неё были тёмные волосы, собранные небрежным узлом, и светло-зелёная кофта с вытянутыми рукавами. Она работала медленно и внимательно, словно спасала не казённый томик стихов, а семейный альбом.

Я заметил, что одна страница приклеилась криво.

— У вас тут угол съехал, — сказал я.

Девушка подняла глаза.

— Вижу.

— Можно поправить, пока клей не высох.

— Можно. Но вы же заняты своими карточками.

Её спокойствие меня задело. На работе после такого замечания люди обычно благодарили, даже если знали об ошибке раньше меня.

— Максим, — представился я.

— Лида.

— Давно здесь?

— Достаточно, чтобы знать: если дёрнуть бумагу сейчас, она порвётся. Давайте лучше подождём.

Она указала на стул напротив. Я сел, хотя никто не просил меня помогать. Через несколько минут угол сам расправился под мягким прессом. Я признал, что она была права. Лида посмотрела так, будто услышала неожиданный комплимент.

— Неплохое начало знакомства, — сказала она. — Вы смогли признать поражение из-за одного сантиметра бумаги.

Я хотел ответить, что у меня бывают поражения и посерьёзнее, но вовремя удержался. Вместо этого спросил, что она читает. Она назвала автора, которого я не знал. Я пообещал найти его книгу, и Лида сказала, что обещания проверяются гораздо проще, чем люди думают.

Позже я выяснил, что она находится в женском отделении соседнего корпуса, где действовали свои условия лечения и выписки, и бывает в библиотеке на совместных занятиях по утверждённым спискам. Ей было тридцать. Раньше она работала в городском архиве, любила старые фотографии и ненавидела, когда посетители перегибали документы пополам. О причинах своего лечения она не рассказывала. Я и не спрашивал: мне казалось разумным придерживаться того же правила, которое Сергей установил за ужином.

Однажды я заметил, что из другого отделения женщин приводили и уводили отдельно, а в коридоре сотрудницы сверяли списки. На выходе библиотекарь отмечала время, а сопровождающие проверяли имена; я привык к этой осторожности и перестал её замечать.

На следующей неделе я стал добровольно брать библиотечные смены. Тамара Петровна удивилась:

— Вы же говорили, что карточки — не ваше дело.

— Передумал. Здесь есть система. Её приятно приводить в порядок.

Это была правда, хотя не вся. Мне нравилось знать, во сколько Лида придёт за своим столиком. Мы разговаривали между делом: о книгах, о плохом кофе из автомата в приёмном отделении, о том, почему люди хранят вещи, которыми никогда больше не воспользуются. Она отвечала иногда серьёзно, иногда так, что я не сразу понимал шутку.

Однажды я принёс ей из библиотечного шкафа редкий альбом фотографий старого города. Лида долго рассматривала снимок улицы, которой теперь не существовало.

— Здесь раньше стоял дом моей бабушки, — сказала она. — Я не думала, что кто-то вообще сохранил его на фотографии.

Лида долго держала альбом раскрытым. Рассказала, как в детстве считала ступеньки перед этим домом, а бабушка уверяла, что их семь, хотя всякий раз получалось восемь. Дом снесли, когда Лида училась в институте. Теперь на его месте находилась парковка.

— В мастерской готовят выставку, — сказала она. — Я бы хотела, чтобы этот снимок там был. Не ради бабушки даже. Просто чтобы люди знали, какой дом стоял на этой улице, прежде чем там стало удобно оставлять машины.

— Могу попросить библиотекаря оставить альбом за вами.

— Спасибо. Только не нужно ради меня ни с кем договариваться. Я сама попрошу.

Удивительно, но меня это не обидело. Возможно, потому что она сказала «спасибо» раньше, чем отказалась от помощи.

• • •

Сергей, узнав о моём интересе к библиотеке, предложил сыграть ещё одну партию. На этот раз у нас собрались зрители. Павел болел за меня, поскольку Сергей две недели подряд обыгрывал его, а остальные наблюдали ради споров о правилах.

Я подготовился. Ночью перечитал шахматный учебник, разобрал две партии и решил использовать простую ловушку. На двенадцатом ходу Сергей задумался, на тринадцатом отдал пешку, на пятнадцатом я понял, что ловушка не сработала. Зрители молчали. Я почти разозлился, но заметил, что Сергей спокойно ждёт, пока я закончу считать варианты.

— Ничья? — предложил я.

— Доживём до сорокового хода, там посмотрим.

В итоге мы разошлись миром. Павел объявил, что я всё равно молодец, потому что «против Сергеича никто столько не держался». Я не стал объяснять, что дважды мог выиграть и оба раза ошибся. Впервые мне хватило и такого признания.

Через несколько дней Павел поссорился с дежурным из-за расписания телевизора. Он хотел смотреть футбол, а группа выбрала концерт. Голоса поднялись, но никто не кричал. Я предложил записать оба пожелания на листе и заранее распределить вечера по дням недели. Павел согласился, если важный матч будет исключением; остальные потребовали того же для своих передач. За четверть часа мы составили таблицу, которая устроила всех.

Сергей похлопал меня по плечу:

— Вот тебе и работа по специальности. Руководишь проектом «Телевизор».

Я рассмеялся вместе с остальными. Никому не пришлось угрожать увольнением, никто не собирался отнести бумаги следователю. Достаточно было достать карандаш.

Тамара Петровна назвала меня полезным человеком. Я запомнил эти слова. В прежней жизни я ожидал благодарности как должного; здесь она почему-то доставляла удовольствие.

В больнице быстро складывались привычки. По утрам я делал зарядку с группой, хотя дома не мог заставить себя заниматься даже десять минут. После завтрака читал, потом шёл на назначенные занятия. Вечером играл с Сергеем или слушал, как Павел рассказывает о футбольных командах, за которые, по его мнению, стыдно болеть. В воскресенье выдавали по небольшому кусочку пирога. Пирог был суховатый, но за ним выстраивалась очередь из людей, которым не нужно было никуда спешить.

Врачи спрашивали, как я сплю, что мне снится, тревожит ли меня что-нибудь. Я отвечал спокойно. Во время бесед всё ещё приходилось помнить, что когда-то я рассказывал о голосе Полины, но вопросов об этом становилось меньше. Мне объяснили, что изменения в состоянии фиксируются постепенно. Я делал вид, что понимаю медицинские формулировки, и охотно выполнял всё, что не мешало читать и разговаривать с Лидой.

Однажды Сергей спросил, почему я так тщательно отмечаю дни в настольном календаре.

— Люблю точность.

— Не в днях счастье, Максим.

— Смотря что ждёшь впереди.

Он пожал плечами и вернулся к шахматам. Я решил, что он просто привык жить здесь. Мне такого позволить себе было нельзя: я планировал уйти вовремя.

• • •

Через три недели мне назначили свидание с адвокатом. Дмитрий приехал в середине дня, с дорожной сумкой и тем же выражением усталой сосредоточенности, с которым когда-то входил в зал суда. Нас посадили в небольшую комнату для встреч. На столе стоял графин с водой, возле окна — два мягких стула. Дмитрий осмотрел помещение так, будто ожидал увидеть здесь что-то другое.

Дмитрий заметил, что я на удивление хорошо устроился. Я немедленно заговорил о работе: если бы мне вернули компьютер, я мог бы следить за проектами из больницы. Адвокат выслушал, но промолчал. Именно его молчание напомнило, что у меня пока нет права распоряжаться даже собственным временем.

Дмитрий вынул из сумки бумаги. Я заметил, что на верхней странице стоит фамилия Громовых. Настроение испортилось прежде, чем он начал говорить.

— Андрей и Ольга подали обращения в прокуратуру и следственное управление. Просят проверить, как собирались материалы для экспертизы и почему её выводы не согласуются с доказательствами. Кроме того, их представитель собирается добиваться пересмотра судебного решения в предусмотренном порядке.

— Пусть добиваются. Суд уже всё решил.

— Я приехал не пугать тебя. Ты должен знать, что семья не оставила эту историю. К нам поступили запросы по материалам дела. Мы дадим ответы.

— Они теперь всю жизнь будут писать жалобы?

Дмитрий задержал взгляд на моём лице.

— Возможно. Для них это не вопрос свободного времени.

Вместо того чтобы спорить, Дмитрий протянул мне газетную вырезку. На фотографии Громовы выходили из суда. Ольга держала перед собой старый портрет Полины: она смеялась, запрокинув голову, и волосы падали ей на плечо. Под снимком была короткая цитата Андрея: «Мы не просим вернуть невозможное. Мы просим проверить, почему человек, который всё спланировал, не должен отвечать за сделанное».

Я вернул вырезку фотографией вниз. Журналист выбрал неудачный снимок: Полина на нём выглядела живее, чем я привык вспоминать её после суда. Я пришёл сюда лечиться, во всяком случае так значилось в постановлении, и не видел причин снова выслушивать обвинения из газеты.

Я хотел заметить, что у людей бывают и другие дела. Но адвокат продолжил: перечислил документы, назвал сроки и сообщил, что никаких срочных действий от меня пока не требуется. Я спросил, не повлияют ли жалобы на мой распорядок.

— На распорядок больницы — нет, — сказал Дмитрий. — Здесь им распоряжаются врачи. А юридические вопросы я беру на себя.

Мне понравилась последняя фраза. После нескольких месяцев, когда каждый протокол мог уничтожить мою защиту, приятно было вновь поручить кому-то неприятную работу и не думать о ней.

В конце встречи Дмитрий спросил, как я сплю и есть ли у меня жалобы на лечение. Я сказал, что жалоб нет, показал расписание занятий и похвастался, что в библиотеке уже исправил половину каталога. Он выслушал внимательно, но не улыбнулся.

— Ты сейчас действительно выглядишь лучше, Максим.

— Вот видишь. Я скоро буду в порядке.

— Внешний вид — не единственное, на что будут смотреть специалисты.

Я пропустил это замечание. За окном комнаты для свиданий стояла та же аллея, по которой меня привезли. На деревьях ещё оставались листья. Я прикинул, сколько времени пройдёт, пока на их месте появятся новые.

После отъезда Дмитрия я получил письмо от Ильи. Тот писал, что западный корпус наконец проверили, несколько подрядчиков заменили и директор пока доволен результатами. О моём возвращении он выразился осторожно: «Будем смотреть по обстоятельствам». Я дважды перечитал эти слова, затем сложил лист и убрал под книгу.

Здесь мне не приходилось отвечать за чужие ошибки. Я мог отложить неприятный разговор до завтра, а завтра — ещё на неделю. Эта простая возможность нравилась мне всё больше.

Вечером Сергей спросил, хорошие ли новости принес адвокат.

— Обычные. Люди всё ещё спорят, как со мной поступить.

— А ты?

— Я уже решил, как с собой поступлю.

Он покачал головой, но не стал уточнять. Мы расставили шахматы. На этот раз я выиграл, и Сергей потребовал реванша прежде, чем я успел похвастаться.

• • •

С Лидой я виделся чаще. В один из четвергов занятия перенесли из библиотеки в мастерскую на первом этаже. Там стояли большие столы, коробки с бумагой, кисточки, кусочки ткани, горшки для рассады. Группа готовила выставку работ для общего вечера в конце месяца. Павел

взялся за плакаты, потому что у него был красивый почерк. Я выбрал деревянные рамки: их требовалось измерить, подогнать и собрать.

Лида занималась фотографиями. Она отобрала снимки старых домов, сделала подписи и принесла блокнот с заметками об улицах. Среди фотографий был дом её бабушки с восемью ступеньками. Лида хотела расположить работы по маршруту, по которому когда-то ходила в школу. Я предложил выстроить их по десятилетиям: так зритель сразу увидит, как менялся город. Она выслушала и сказала, что подумает.

Пока Лида ходила за клеем, я переложил половину карточек. Снимок её дома оказался с краю. По моим расчётам, композиция стала лучше: сначала старые деревянные дома, потом кирпичные, затем новые кварталы. Я даже успел показать порядок Павлу. Он одобрил.

Когда Лида вернулась, то остановилась у стола.

— Кто это переставил?

— Я. Так понятнее. Посмотри, даты идут по порядку.

— Я ведь не соглашалась менять порядок.

— Лида, это выставка. Людям должно быть удобно смотреть.

— Тогда сделай свою. А эти фотографии я собирала сама.

Она не повысила голос, просто начала возвращать карточки на прежние места. Я ощутил знакомое раздражение. В моём отделе за разумное предложение меня благодарили. Здесь человек, которому я помог, почему-то выглядел так, будто я испортил всю работу.

— Ты очень любишь руководить, — сказала Лида, не глядя на меня.

— Профессиональная привычка.

— А у тебя бывают занятия, в которых не надо быть главным?

Я собирался пошутить, но она уже ушла к другому столу. Павел сделал вид, что ничего не заметил. Мне стало неприятно оттого, что он, вероятно, всё слышал.

После мастерской я нашёл Лиду у окна в общем зале, пока медсестра готовила группу к возвращению в отделения.

— Я неправильно поступил, — сказал я.

Она повернулась ко мне. Мне было удивительно трудно произнести следующую фразу: на работе подобные разговоры обычно заканчивались тем, что извинялись передо мной.

— Ты просила не трогать фотографии. А я всё передвинул. Прости.

— Мне не нужно, чтобы ты соглашался со мной всегда, — ответила Лида. — Просто иногда хочется самой решать, что важно. Это был дом моей бабушки. Я хотела, чтобы люди увидели именно его.

Я кивнул. Где-то внутри всё ещё звучало возражение, что мой вариант был аккуратнее. Но мне хотелось, чтобы она снова разговаривала со мной. Я обещал больше не менять порядок без спроса. Лида улыбнулась и предложила помочь ей подбирать подписи, если я готов слушать.

Мы ещё несколько минут сидели у окна. Она рассказала, что до болезни собиралась поехать к морю, посмотреть город с белыми лестницами и узкими дворами. Путешествие отменилось, деньги за билет не вернули. Она говорила об этом без жалости к себе, будто речь шла о неудачном заказе в магазине.

Я сказал Лиде, что после выписки она обязательно поедет к морю. Она хотела сперва научиться не торопить себя. Я, наоборот, спешил наружу и постоянно говорил о весне. Лида заметила это без упрёка. Мне не удалось вспомнить ни одного нашего разговора, в котором я не называл срок собственного освобождения.

Я хотел возразить, но не смог припомнить разговора, в котором не называл бы приблизительную дату выписки. Лида рассмеялась:

— Ничего страшного. Просто попробуй хоть один день не считать.

— А взамен?

— А взамен я расскажу тебе, какие книги стоит взять из нашего каталога, чтобы время проходило быстрее.

Так мы и договорились. На следующий день я не заглянул в календарь ни разу. Не потому, что забыл о весне, а потому, что мне хотелось доказать Лиде: я умею делать даже то, что кажется бессмысленным.

• • •

Однажды Лида попросила меня принести из читального зала сборник рассказов. Я нашёл книгу, но вместо того, чтобы сразу отдать, положил между страницами узкую полоску плотной бумаги. На ней нарисовал схематичный дом с четырьмя окнами и подписал: «Здесь никто не будет передвигать ваши рамки». Мне показалось, что шутка получилась удачной.

Она нашла закладку только к концу занятия. Показала мне рисунок и сказала:

Лида засмеялась над кривыми пропорциями дома на моей самодельной закладке. Я сказал, что не архитектор, хотя на работе привык делать вид, будто разбираюсь во всём. Она согласилась не спорить и забрала рисунок. Я испытал удовольствие, которого давно не приносили дорогие подарки.

Лида сложила закладку пополам и убрала в карман. Я почувствовал неожиданное удовлетворение. В прежней жизни я мог заказать женщине дорогой подарок и почти не заметить её реакцию. Здесь у меня были бумага, карандаш и полчаса свободного времени. И оказалось, что этого достаточно, чтобы кто-то улыбнулся.

Когда я вернулся в отделение, Павел сообщил, что видел нас вместе и собирается устроить мне свадьбу прямо в мастерской. Сергей посоветовал ему сначала найти человека, согласного взять на себя организацию. Они спорили так серьёзно, что я не сразу понял: оба просто шутят. Я позволил им продолжать. Чужие шутки перестали казаться мне угрозой моему достоинству.

Спустя месяц после поступления Левин снова пригласил меня на беседу. На столике между креслами стоял тот же графин. Доктор спросил, что изменилось с нашей прошлой встречи.

На очередной беседе я с удовольствием перечислил Левину свои успехи: крепче сплю, чаще бываю на занятиях, нашёл друзей. Он осторожно напомнил о прежнем страхе потерять работу и квартиру. Я счёл это лишней подробностью: в тот месяц мне казалось, что я ничего не теряю, а только пережидаю.

Я рассказал ему о письмах Ильи и о газетной вырезке, которую привёз адвокат. Про жалобы Громовых говорил раздражённо: мне казалось нечестным, что люди продолжают спорить о моём будущем, пока я добросовестно выполняю всё, что требуют врачи.

Левин не перебил. Он подождал, пока я замолчу, и налил воды в стакан, который стоял возле меня нетронутым.

— Вы не можете управлять тем, что пишут другие люди, Максим, — сказал он. — Здесь у вас есть более простая задача: прожить сегодняшний день так, чтобы завтра стало немного легче. Иногда это труднее, чем кажется.

— По-вашему, мне стоит перестать думать о суде?

— Я предлагаю не отдавать суду все ваши мысли.

Это прозвучало настолько разумно, что я впервые перестал подыскивать возражение. Доктор не пытался оправдать Громовых, но и не говорил, что я обязан бесконечно отвечать на их обвинения. Мне понравилось, что он нашёл слова, после которых я мог успокоиться, не признавая себя виноватым.

Я подумал об Илье в моём кабинете. Потом вспомнил, как Лида рассматривала закладку, и неожиданно для себя ответил:

— Не так сильно, как раньше. Вы правы, доктор: здесь можно заниматься чем-то другим.

— Рад, что вам стало легче. У каждого человека должен быть хотя бы один день, который не похож на ожидание следующего.

Мы поговорили о моих занятиях и о том, как я общаюсь с людьми. Левин сказал, что сотрудники отмечают мою аккуратность и готовность помогать в группе. Я спросил, будет ли это учтено при ближайшем освидетельствовании. Он не стал обещать результата, но ответил, что наблюдения за поведением пациента, конечно, важны.

Перед уходом я спросил, можно ли выделить нам дополнительное время в мастерской. Для выставки оставалось подогнать рамки и подготовить подписи. Левин открыл расписание, нашёл свободное окно и пообещал обсудить его с сотрудниками. Не говорил о том, как важно творчество для лечения. Просто спросил, сколько человек придёт, и записал число. Его деловитость напомнила мне лучших руководителей, с которыми я работал: обещаний немного, зато каждое можно проверить.

— Значит, всё идёт правильно?

— Вы стараетесь, Максим. Продолжайте.

Я вышел из кабинета с ощущением, будто получил положительную характеристику перед повышением. Объективно ничего не изменилось: я всё ещё жил за оградой, ходил на занятия по расписанию и не мог позвонить в любое время. Но теперь у меня было почти всё, что требовалось на ближайшие месяцы. Даже врач, похоже, считал меня человеком, способным справиться с обстоятельствами.

У меня появилось свободное время, и я начал читать книги из Лидиного списка. Первую не понял, вторую бросил на середине, третья оказалась неожиданно смешной. Мы обсуждали её за столом в библиотеке. Лида смеялась над сценой, которую я счёл скучной, и молчала на месте, где я ожидал реакции. Мне это нравилось: рядом с ней не всегда удавалось заранее предсказать, что произойдёт.

Однажды она спросила:

— Тебе не тяжело всё время быть таким уверенным?

— В чём?

— Во всём. Будто ты уже знаешь, как закончится каждый разговор.

Я хотел сказать, что уверенность помогает выживать. Вместо этого спросил, почему она вообще со мной разговаривает, если я так предсказуем.

— Потому что иногда ты слушаешь, — ответила Лида. — Правда, обычно это случается случайно.

Я рассмеялся громче, чем требовала шутка. В палате я долго вспоминал её слова. Мне нравилось думать, что кто-то замечает во мне качества, которых раньше никто не ценил.

• • •

За два дня до открытия выставки выяснилось, что у нас нет хорошей копии главной фотографии Лиды. В библиотечном альбоме дом её бабушки был напечатан на двух страницах, и при обычном копировании середина снимка уходила в тёмный сгиб. Работница мастерской сказала, что оригинал нельзя вырывать, а остальные фотографии уже наклеены. Лида сидела перед столом с почти готовыми рамками и молчала.

Я хотел немедленно предложить другой снимок. Он бы даже лучше сочетался с остальными. Но вовремя вспомнил наш спор.

— Тебе важно, чтобы был именно этот дом? — спросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.